Александров А.С.,
доктор юридических наук, профессор

Об уголовно-процессуальной науке или новые песни о главном

В данной статье я хотел бы обсудить тему о роли уголовно-процессуальной науки, ее назначении и функциях. За всю юридическую науку говорить не буду. Как процессуалист выскажу несколько замечаний (несколько хаотических и носящих предварительный характер) о знакомой мне сфере интеллектуальной деятельности. Хотя, подозреваю, что сказанное может касаться и моих коллег по другим юридическим специальностям.

Я отношу себя к тому поколению авторов, кто сформировался как писатель в девяностые годы. В условиях гласности, свободы и … отсутствия заказа, что можно трактовать и как отсутствие цели – зачем собственно писать (1). Я писал о том, что мне было интересно. И никак не позиционировал себя по отношению к власти, не искал в ней опору для своего дискурса. Властям же, очевидно, было не до меня (2).

При отсутствии внятной идеологии, охраняемой властными институтами, в 90-е годы можно было делать в науке все, что хотелось (кроме денег). Потом появились деньги, и это был вызов научной, да и человеческой состоятельности тех, кто мог писать тексты, представляющие какой-то интерес для аудитории и, соответственно, пользующиеся спросом.

Теперь интеллектуальный ландшафт меняется снова. Все ощутимее становится присутствие власти, не только как арбитра, но и игрока, на площадке интеллектуального производства. Символом перемен (в «милицейской науке») стала, например, деятельность Координационного совета, который очень даже внятно формирует социальный (министерский) заказ. Я уже не говорю о борьбе, которую ведет Министерство образования и ВАК по приданию пристойного вида тому, что называется защита диссертаций и получение ученых степеней.

Во многом назначение уголовно-процессуальной науки, но также корни позиции многих моих коллег (старшего поколения) стали для меня выясняться лишь в последнее время. Одновременно с процессом кристаллизации национальной идеи – под условным названием «суверенная демократия». Мне кажется, в воздухе витает сакраментальное: «С кем вы, мастера культуры?». Вероятно, эта идея сформирует и парадигму новой уголовно-процессуальной науки. Творчество некоторых продвинутых диссертантов, ученых – яркое тому подтверждение.

Отечественная правовая наука всегда была придворной. Она обслуживала авторитарную власть. Была открыто партийной. И по-моему некоторые мои коллеги не видят иной альтернативы для себя, чем выступать от лица данной (богом?) Власти и служить ей (3). Поэтому-то, наверное, смена социально-экономической формации прошла для большинства наших юристов достаточно безболезненно, даже незаметно (4). Они изменили свои социалистические убеждения на буржуазные естественным образом – вместе с власть придержащими.

Роль слуги при троне правителя, роль угодливого царедворца, мастера хвалебной речи, который в случае идеологической диверсии против власти (Государя) превращается в злобную, верную собаку красноречия – такой видят свою роль некоторые мастера юридической науки (5).

Во всем этом есть, конечно, много плюсов. Согласимся с М. Фуко: истина и власть неразделимы. С властью лучше не спорить. Многие так считают по убеждению (по должности), некоторые – приспосабливаются. Может быть в этом и есть своя сермяжная правда (она же посконная, домотканная, сусальная) для русского юриста?

Что есть научная истина, определяется сейчас в Москве: в столичных журналах, издательствах, ну и, конечно, в государственных структурах, которые имеют официальные полномочия присваивать ученые степени и звания. Зримые признаки учености зависят от государства. Заметим, не от сообщества себе подобных, не от общественного мнения своих коллег по

научному цеху – все это так и не приобрело сколько-нибудь большого значения.

Смысл изменений происходящих в управлении наукой состоит в том, что государство в определенной мере возвращает себе власть над научным дискурсом (юридическим, гуманитарным). И, наверное, делает это по праву – раз сами ученые мужи не могут собой управлять и существовать достойно.

Но мы ведь помним, чем закончила советская юридическая наука, устроенная таким манером. Кто не помнит или не знает, напомню – склеротическим вырождением. Монополия, поддерживаемая внешними средствами, отсутствие конкуренции – губительны для творчества. Писать текст – идти колдовским путем. Значительность текста состоит в его способности заинтересовать возможно больший круг читателей. Если мы берем юридический текст, то он зависит от оценки юристов.

Мы так отстали от наших западных коллег, что многие даже не представляют себе всю величину отставания. Обречены ли мы на то, чтобы повторить уже раз пройденный путь и существовать на особицу (а говоря по-просту – в интеллектуальной провинции)? Ведь обгонят нас соседи по СНГ. Смогут ли научные центры России быть привлекательными для ученых из бывшего СССР?

Многоцветье идей и школ, плюрализм мнений, свобода их выражений есть залог того, что будут учтены альтернативные пути развития законодательства. Для развития нужна свобода конкуренции (вроде я говорю банальные вещи?). Но вот вопрос: нужна ли свобода нашим ученым (процессуалистам)? Так легко и удобно жить в своем привычном мирке, в кругу раз и навсегда усвоенных идей.

Я говорил о государстве, о власти, а ведь помимо государства есть и другие Авторитеты: Церковь, Партия, Традиция, Мода, Деньги и т.д. Из всего перечисленного отношение к национальной традиции для меня, например, самый сложный вопрос. Я русский. «Люблю Россию я, но странною любовью». Нельзя не видеть пороков родной правовой системы, судопроизводства и открыто критиковать их. С другой стороны, наверное, нужно видеть

самобытность русской правовой системы и правосудия. Но здесь кроется угроза впасть в самолюбование и начетничество.

Вопросы о пределах заимствования из других правовых систем переходят в разряд идеологических. Это опасно. Будет ли критерий патриотичности главным при определении научной достоверности того или иного результата или позиции? Не хотелось бы этого. Раньше наклеивали ярлык буржуазности, теперь – западничества, что ли?

Православная вера для меня, атеиста, пока отвлеченная идея. Но церковь – это уже то, что, в виду наметившейся тенденции, нельзя будет в скором времени (да, впрочем, уже сегодня) игнорировать при определении стратегии своего дискурса. Безбожный дискурс, как мне видится, вскоре будет считаться ненаучным или, по крайней, мере не нашим дискурсом (6).

Партия? Пока, вроде не актуально (по крайней мере, я еще не встречал в юридических текстах цитат из постановлений партийных съездов «Единой России» с идеологической нагрузкой). Хотя возможно, дождемся, что руководящая партия будет указывать путь гуманитариям. Уверен, найдется целая свора конъюнктурщиков, готовых следовать единственно верным, указанным сверху курсом.

Может ли интеллектуал быть ангажированным властью? Во всем соглашаться с ней, прислуживать с ней, оправдывать ее действия, решения, существующий порядок вещей? Или, напротив, он обречен на противостояние с ней, быть рупором оппозиции, иного мнения?

Как много об этом говорилось в нашей публицистической печати. Не буду повторяться. Приведу лишь слова американского коллеги профессора К. Калхауна: «В Америке интеллектуалами мы называем тех, кто не зависит от власти. Мы не считаем интеллектуалами тех, кто занял какие-то позиции во власти, даже если они занимаются умственным трудом. Все госсекретари США – Киссинджер, Бжезинский, Райс – были профессорами. Как только они стали министрами, они перестали быть интеллигентами. Поскольку, оказавшись в правительстве, ученые теряют творческую свободу, необходимую для

рождения новых идей. То же самое касается высшего экономического менеджмента» (7). На мой взгляд, правильные слова.

Но, могут возразить, юрист ведь интеллектуал особого рода. Он априори встроен в существующую государственно-правовую систему и призван в первую очередь содействовать реализации действующего законодательства, быть примером лояльности к праву и правопорядку, учить молодежь, воспитывать людей уважению закону.

Да, конечно, в этом есть своя доля правды. И надо, на мой взгляд, разделять функцию воспитательную, педагогическую (фактически связанную с апологией существующего социально-государственного строя и права) с функцией научного творчества. Есть уголовный процесс – учебная дисциплина и есть теория, философия процесса. Применительно к последней свобода выражения мнений не может ограничена. Помните замечательные слова: наука начинается там, где она говорит «нет» Законодателю (и Правоприменителю – тоже). Наука имеет ценность, когда она независима (опять банальность!).

Дискурсивное существование в сообществе себе подобных – достойный способ существования: писать, чтобы писать. С этим связаны некоторые озабоченности относительно отношений внутри нашего сообщества. В частности, я имею в виду отсутствие механизмов, с помощью которых отбирались бы идеи, формировалось общее мнение о том или ином тексте, позиции, научном направлении и пр. Общественное мнение, рейтинг в списке авторов, формируемый тайным путем, индекс цитируемости – вот от чего бы лично я хотел зависеть в своем творчестве, и что, на мой взгляд, должно определять статус автора в его среде. К сожалению, пока всего этого я не наблюдаю (разлагаемся понемногу, господа).

Поэтому призываю коллег создавать такого рода среду: конкурентную, стимулирующую к росту каждого в отдельности и всех вместе – не путем подхалимажа, использования административного ресурса, заискивания перед властью родной или западной. В этом плане перспективен проект – МАСП (международная ассоциация содействия правосудию – http://iuaj.net) как попытка создания площадки, где обсуждались бы проблемы отечественной

уголовно-процессуальной науки, причем даже не только отечественной, но в масштабе СНГ и шире, и формировалось общественное мнение – сила гравитации в условиях демократии. Именно эта сила должна показывать: кто на верху, а кто внизу. Только такого рода институтам, встроенным в конкурентную среду научного смыслопроизводства, можно доверить удостоверять научную истину.

Механизм отделения «козлищ» от «агнцев», истины от лжи – в идеале должен опираться на свободное волеизъявление, всех, кто причастен к данного рода деятельности, определяться внутри научного сообщества, а не бюрократами. Пока же попытки «центра» (в лице ВАКа) навести порядок в научном хозяйстве бесперспективны. Конечно, вертикаль власти может радикально трансформироваться в авторитарную, но это будет уже совсем другая история.

И в заключение, еще об одном – постмодернизме. Что это такое вообще? Полагаю, через нашу науку проходит

Прежняя диктатура Абсолютной Истины меняется на не менее радикальный Плюрализм Истины (8). Все относительно? Истины нет? Нет твердых оснований для Морали, Права? Остались только слова? Это все очень серьезно, потому что блестящие умы на рубеже 20 и 21 веков снова задаются ими во всем мире (а чем занимаются наши теоретики?).

Быть постмодернистом – отдавать себе отчет о своей производности от Чего-то, Кого-то; понимать свое отношение к власти: официальной и неофициальной, к своей социальной группы, языку, традиции, школе и пр. Не изменять существующее положение вещей, а постулировать: знать не знаю – знать не знаю – знать…

Постмодернизмом подвергнут сомнению тезис об объективности науки. Методология – практика интеллектуального подавления. Постмодернист знает, что все в сфере интеллектуального производства уже было сказано до него. Остается только игра в слова, комментирование текста.

Несмотря на всю неоднозначность постмодернисткого проекта от него нельзя отмахнуться. Думаю, что постмодернисткая тема должна быть

проговорена в контексте традиционной проблематики уголовного судопроизводства: истина, средства ее достижения, субъекты познания ее и пр.

Я писал о том, что меня волнует на данный момент, и вроде был свободен, а потому откровенен. А вам, слабо?

---

1 Помните Б. Гребенщикова: «Все пути начинались от наших дверей, / Но мы вышли только, чтобы стрельнуть сигарет»?

2 Хотя здесь, конечно, я несколько утрирую: нельзя писать, не учитывая читателя, аудиторию. Тот, кто игнорирует это, обречен на маргинальность.

3 Я задумался над этим в ходе дискуссии с несколькими ведущими юристами нашей страны.

4 А на меня крах СССР, советской государственно-правовой системы, а по большому счету вообще СТРУКТУРЫ – произвел неизгладимое впечатление (наверное, потому что я непосредственно переживал его в одной из горячих точек страны, далеко от России). Поэтому принятие деконструкции, как метода анализа ТЕКСТА, было для меня самым естественным ходом. Таким же образом я стал сторонником идей школы критических правовых исследований (CLS).

5 Мелкая грызня и свары между собой – не в счет. Это издержки борьбы за теплое место у ног начальства.

6 Я же пока пишу слово «бог» с маленькой буквы и надеюсь, что смогу это делать и дальше.

7 Российская газета. – 2006. – 2 февраля. – № 20 (3986).

8 И не известно, что хуже. Это станет ясно, на Страшном Суде (если он существует).